

Каких перемен желал бы я в теперешнее время в России?

Прежде всего желал бы я, чтобы в теперешнее время никаких существенных перемен в России не делалось, покуда европейские волнения¹ не успокоятся и не установится там какой-нибудь твердый и ясный порядок вещей, который покажет нам, чего мы можем от них опасаться и чего надеяться.

Я желал бы, чтобы правительство наше не принимало никакого деятельного участия в делах западных, не вмешиваясь ни деньгами, ни войском, ни за правительства, ни за народы, ни за словен², ни за немцев, ни за турков, ни против турков. Каждое деятельное вмешательство наше, всегда более или менее тягостное для России, будет для немцев только спасительною для них пружиною соединения и ни в каком случае не уничтожит результатов их умственного движения, но разве на время только может отдалить их и тем способствовать к более прочному водворению.

Быв же предоставлены собственному многоумию и собственной разнобоярщине³, они поневоле придут к потребности немецкательного порядка, к раздроблению на несколько частей, из которых две или три будут словенские, и к добровольному подчинению нашему покровительству и пр., и пр.

Покуда время не позволяет нам без крайнего легкомыслия желать каких-либо существенных изменений в нашем Отечестве, как-то: освобождения крестьян, изменения бессмысленных форм судопроизводства и т.п. — я желал бы некоторых частных улучшений, которые могли бы иметь полезные результаты, не производя никакого заметного переобразования.

Я желал бы, чтобы все фабрики, не вдруг, но постепенно и неприметно, были выведены из столиц и больших городов в маленькие города и села. Это можно было бы сделать так, чтобы все фабрики в столицах обложить каким-нибудь сначала маленьким (например, по 1 рублю с фабрики), но прогрессивно возрастающим налогом и потом назначить срок, к которому (например, через 10 или 15 лет) они должны будут переведены быть за город в расстоянии, например, 30 или 40 верст.

Эту перемену я почитаю весьма полезною: 1) потому что от излишнего скопления бессемейных рабочих ощутительно с каждым годом портится нрав низшего класса народа в больших городах,

а от испорченной закваски скоро и легко портится народ и новый рабочий, туда приходящий, а из городов порча расходуется по всей России; 2) существование огромного фабричного класса народа в городе дает возможность к непредвиденным беспорядкам, подстрекательствам, бунтам и пр.; 3) существование фабрик в селах и деревнях даст развитию промышленности то направление, которое, соединяя земледелие с промыслом, фабричную работу с близостью семьи, одно может сколько-нибудь остановить быстрое распадение нравов, которое вместе с водворением западной образованности очевидно совершается в нашем народе; 4) фабричные изделия, произведенные в столицах, не могут так дешево обходиться и, следовательно, продаваться, как те, которые произведены в селах, где съестные припасы и топливо обходятся дешевле. Если же столичные фабрики имеют теперь перевес над отдаленными, то только по причине близости тех отношений к заказам и сбыту, которые, не имея никакого влияния на большинство произведений, ни на выгоду потребителей, только подрывают лучшие отдаленные фабрики и обогащают столичных фабрикантов на их счет и на счет потребителей.

Я желал бы, чтобы не только в приходских, но и в уездных училищах, кроме учителей Закона Божьего, еще и учителя русского языка замещены были лицами духовными, священниками, дьяконами, или, при их недостатке, хотя перворазрядными студентами из семинарий, ожидающими и еще не получившими священнические места, с тем чтобы им предписано было вместе с русским преподавать и начатки словенского языка и словенской грамматики, упражнять детей в словенском чтении, с объяснением и переводом трудных мест, и в учении нужнейших молитв. Кроме нравственной пользы, которая при такой перемене была бы очевидно: сближение образуемого народа с Церковью, — она могла бы быть небесполезна и по тому отношению, что: 1) между духовными гораздо легче можно найти хороших учителей; что они весьма довольны были бы положенным при этом светским жалованьем; 2) что, поступив в училище, они не портились бы в нравственности, как портятся светские оттого, что в маленьких городках не находят себе товарищей других, кроме разгульных писарей и мелких чиновников; 3) что излишек от остающегося жалованья мог бы быть употреблен на другие полезные цели по тому же училищу; 4) что, имея необходимость в меньшем числе светских учителей, правительство могло бы из предстоящих

кандидатов избирать лучших и от избранных строже требовать исполнения их обязанностей; 5) что меньшее число учителей светских и большее число учителей духовных даст товариществу учителей другой характер, приблизив их более к обществу священников, чем к пьяному обществу чиновников, и пр., и пр.

Я желал бы, чтобы Библия была не переведена на русский⁴ (это было бы вредно потому, что отдалило бы народ от знания словенского языка и, следовательно, от понимания церковного богослужения и, кроме того, уничтожило бы ту связь, которая лежит между различными племенами словенскими), но издана на словенском с объяснениями внизу страницы всех слов и оборотов, непонятных для неопытного в словенском языке. Эти объяснения должны быть составлены так, чтобы только дополняли, а никак не заменяли перевод словенский. К ним можно прибавить варианты других изданий, а при том и те места, которые в еврейской Библии отличны от греческой Семидесяти толковников⁵, не вводя их канонически, но только предоставляя на соображение читателей. Такое издание Библии, предоставляя каждому возможность сличить варианты так называемых старопечатных Библий с новыми изданиями, было бы одним из лучших средств уничтожить в самом корне раскольническую закоснелость старообрядцев, между тем как простой перевод на русский язык может только укрепить старые расколы или еще произвести новые.

Я желал бы, чтобы у нас, прежде всего, и не теряя ни одной минуты, и не дожидаясь никаких благоприятных обстоятельств, была изменена форма присяги⁶ и отменено беспрестанное, ненужное, вредное и развращающее народ ее употребление при всех самых ничтожных обстоятельствах жизни. Излишнее напряжение пружины не увеличивает, но уничтожает ее силу. Могу ли я быть в самом деле честным гражданином, когда, при самом первом вступлении моем в обязанности гражданства, я должен давать такую присягу, которую наперед знаю, что не могу выполнить и не выполняю, например: доносить о всех ущербах казенного интереса, о которых я узнаю, между тем как я их узнаю всякий день и доносить не только не могу, но по законам нашим и не должен, ибо буду осужден как доносчик? Я знаю, что эти и подобные им нелепые мысли в присяге толкуются не буквальным образом, но знаю также, что эти толкования делаются только для того, чтобы успокоить свою совесть, и что, раз допустивши иносказательные толкования, можно из каждой фразы вывести

любой смысл, как английские пьюзиисты⁷ выводят из 36 артикулов чисто католический смысл, хотя эти артикулы составлены были для того именно, чтобы отделить Английскую церковь от католицизма⁸. С такими толкованиями мы можем быть верными Отечеству, не вследствие присяги, а несмотря на присягу. Для чего же она? Что же касается до ее беспрестанного употребления, то, кто замечал ее действие в народе, легко убедится, что большая часть бессовестности его происходит от иного злоупотребления. Я сам слышал, как некоторые говорили: «Присягнуть в правде нельзя, а присягнуть велят — грех на том, кто ее выдумал, эту присягу!» Кто не знает, что за ведро вина можно целую деревню заставить присягнуть в чем угодно. Для чего же присяга? Между тем как, если бы она употреблялась только в редких, особенных и торжественных случаях, она не только была бы силою, но вместе и источником нравственности.

О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е.Е. комаровскому¹)

В последнее свидание наше мы много беседовали с вами о характере просвещения европейского и об его отличиях от характера того просвещения России, которое принадлежало ей в древние времена и которого следы до сих пор еще не только замечаются в нравах, обычаях и образе мыслей простого народа, но проникают, так сказать, всю душу, весь склад ума, весь, если можно так выразиться, внутренний состав русского человека, не переработанного еще западным воспитанием. Вы требовали от меня, чтобы я изложил мои мысли об этом предмете на бумаге. Но тогда я не мог исполнить Вашего желания. Теперь же, когда я должен писать о том же предмете статью для «Московского сборника»², я прошу позволения дать этой статье форму письма к вам: мысль, что я разговариваю с вами, согреет и оживит мои кабинетные размышления.

Конечно, мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса — об отношении русского просвещения к западному. От того, как он разрешается в умах наших, зависит не только господствующее направление нашей литературы, но,